

Пеер Тешендорф, директор Фонда имени Фридриха Эберта в России. Зачем мечтать о будущем?

Книга о том, какой Россия будет через 30 лет, — зачем? Разве мало у нас сегодняшних забот? В самом деле, нас бросает из одного кризиса в новый, что ни год — то очередной конфликт, потрясения то на том, то на другом рынке. Теперь вот пандемия с научным названием COVID-19. Вдобавок ко всему климат преподносит нам все новые температурные рекорды, засухи, лесные пожары. Нам просто некогда заглядывать в будущее, тут совладать бы с настоящим. К чему еще эта книга?

Сперва появилась идея сделать книгу о прошлом. Вот уже тридцать лет Фонд имени Фридриха Эберта работает в России: начинал еще в советские времена, затем продолжил свою деятельность в новой, независимой стране. Это были тридцать волнующих, напряженных лет, в течение которых постоянные «качели» в германо-российских отношениях то облегчали, то существенно осложняли работу Фонда. И это постоянство, несомненно, трудно переоценить. Конечно, было бы проще вспомнить прошедшие годы и сопоставить их с ходом новейшей истории. Впрочем, историю тоже притягивали к современности, чтобы с ее помощью решать насущные проблемы. Дискуссии об истории ради самой истории давно уже отодвинуты на задний план. В то же время работе Фонда Эберта в России всегда был свойственен взгляд вперед. Ведь Фонд Эберта занят ценностями социальной демократии, то есть того политического течения, на знаменах которого стоят символы будущего, а не призывы к консервации прошлого. И разве не будет наивысшей оценкой всего, что совместными усилиями было достигнуто, если увидеть в этом надежную основу для работы фонда на будущие тридцать лет?

Итак, без взгляда вперед никак не обойтись. Какой будет Россия, когда мы снова встретимся через тридцатилетие? Но здесь возникают трудности, с которыми сталкивается не только Россия, но и вся Европа. Мы растеряли наше будущее, оно было вытеснено настоящим. Позитивного образа будущего у нас нет. Прогнозы — в научном смысле — обычно заглядывают всего на пару лет вперед. Их составляют так, чтобы не сходить с научных рельс, чтобы и дальше интерпретировать тенденции сегодняшнего дня для эскиза мира будущего. С научной точки зрения это корректно, но при многообразии сегодняшних проблем редко обладает постоянством. Да и поводов для оптимизма по части будущего у нас немного. В культурной моде теперь, скорей уж, дистопии. Возникает такое впечатление, что видения мира, еще более мрачного, чем теперь, конец света, страдания и лишения притягательны для людей в гораздо большей степени, чем картина мира, в котором нынешние проблемы будут преодолены.

Но почему же стремление к светлому будущему так решительно вышло из моды? «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы взбудоражил многих, некоторых он насмешил, но, так или иначе, он накрепко остался в сознании. Завершение великого идейного противостояния холодной войны привело к комфортному умиротворению умов. Казалось, чего еще ожидать кроме прекрасного нового мира, в котором все окажутся в выигрыше от благоденствия, обещанного капитализмом. В ЕС от этой сосредоточенности на настоящем пострадала великая утопия единой Европы. Что же касается России, то власть повседневного была в ней, по необходимости, еще мощнее. Глубокая, болезненная трансформация 1990-х годов обеспечила такой общественный модус выживания, при котором человек редко заглядывает дальше завтрашнего дня. Когда в 2000-е начался экономический подъем, внимание людей было сосредоточено по-прежнему на стремлении к достатку, который был обещан им после конца коммунизма. Государство и по сей день сосредоточено на том, чтобы восстановить прежнее величие, чтобы «поднять страну с колен», чтобы снова сделать ее великой державой — как прежде. При этом, правда, никто не может с

уверенностью сказать, останется ли то, что раньше было атрибутами великой державы, надежной основой для ведущей роли в мире — в сегодняшнем или будущем.

Возможно, у россиян сейчас и нет потребности в утопиях или мечтах о лучшем будущем. Нет, потому что в советской культуре утопии занимали прочное место. Но их претворение в действительность сопровождалось страданиями и гибелью людей. Потому что у веры в то, что с помощью новых технологий можно будет построить новый мир, где каждый получит по справедливости, была и своя темная сторона: для осуществления этой утопии необходимо было создать ее строителя, нового человека. Но преобразование старого человека в нового нередко стоило ему свободы или даже самой жизни. И однажды пропасть между реальностью и утопией стала такой огромной, что, чем больше приближалось такое будущее, тем скорей оно отдалялось. Не удивительно, что в один прекрасный момент люди предпочли лишения во славу призрачного грядущего реальное улучшение своей земной, нынешней жизни.

В сегодняшней России на этом фоне возникает вопрос: зачем же надеяться на лучшее, зачем мечтать о будущем, хотя совсем еще недавний опыт советует нам от этого отказаться. Затем, что мы создали себе сегодня проблемы, с которыми нам не удастся справиться без всякой идеи будущего. В мире становятся все очевидней огромные перемены, которые нам нужно не просто претерпевать, но и влиять на них самим. Преодоление пандемии или климатических аномалий, изменения в глобальном соотношении сил или следующая технологическая революция — все это ставит нас перед лицом эпохальных вызовов. И все эти трансформации становятся еще острее в России — с ее огромными территориями, где в некоторых регионах температуры растут быстрее, чем в других местах планеты, с ее зависимостью от нефти и газа, которые в будущем превратятся в сырье прошлого, с ее геополитическим положением между старыми и, возможно, новыми политическими и экономическими гравитационными центрами мира

Все эти перемены настолько фундаментальны, что «ручного управления» и тактического реагирования для них будет явно недостаточно. Тем более их недостаточно будет для самой протяженной страны в мире, для ядерной державы, для страны с ее 145 миллионами жителей. Нужно затратить много усилий, чтобы не просто претерпевать эти перемены, а чтобы их формировать и разумно использовать. Чтобы высвободить для этого силы, не обойтись без позитивных представлений о том, какой Россия должна выглядеть в будущем. Какие черты должна обрести страна, чтобы быть по плечу своему огромному населению, чтобы обеспечить всем своим людям достойную жизнь. Продуктивные силы не пробудишь к жизни одними дистопиями и мрачными прогнозами. Тот, кто считает, что будущее не принесет ничего хорошего, будет пытаться получить все прямо сегодня и сохранить добытое в будущем. В этом случае было бы очень трудно, почти невозможно добиться прогресса и прорыва в сочетании с безопасностью и благосостоянием.

Нам нужны позитивные, смотрящие вперед представления о том, как нам строить наше будущее. Для начала они возникают при сравнении великих утопий с реальностью. Они рождаются в обсуждении разных образов, в продумывании и повторном опровержении совершенно новых идей о том, как может быть построено общество и его взаимоотношения с государством. Новые представления о будущем полезны хотя бы потому, что позволяют понять, чего не хватает в настоящем. Они помогают осознать истинные приоритеты людей и попробовать воплотить их в реальность.

Мы попросили авторов этой книги заглянуть в будущее России и набросать его эскиз, по возможности, позитивный, рассказать, какой они хотели бы увидеть Россию через тридцать лет. Тридцать лет — это вроде бы дальний срок, но вообще-то не слишком. Такой отрезок времени можно еще помыслить, то есть это повод не для совсем уж абстрактных мечтаний, а для попыток конкретных утопий.

Мы объединили в этой книге самые разные подходы к будущему: иногда утопические, иногда не слишком, художественные и научные, и мы надеемся таким образом вбросить в игру как можно больше разных идей. Но все же мы надеемся при этом, что наша книга не останется умозрительной попыткой высветить фрагменты будущей жизни, а вызовет у читателей одобрение, возражения, желание включиться в поиск или даже натолкнет их на идеи совершенно нового рода, что она поможет им хоть немного отвлечься от забот сегодняшнего дня и с надеждой взглянуть в их собственное будущее